Переводчик: Антония

В Зале предков семьи Нин.

Мастер Нин искренне сказал: "Я знаю, что ты не хочешь, и что мать и сын должны приложить к этому руку". Сука пожнет то, что посеяла. Но я лишь надеюсь, что ты сможешь простить этого невоспитанного сына, за то же, что и я".

Нин Шаоцин не сказал ни слова. Он мог понять своего отца. Свирепый тигр не стал бы есть собственных детенышей. Что бы ни сделал Нин Шаою, отец не мог вынести убийства собственного сына, не говоря уже о том, что на этот раз они не получили доказательств против Нин Шаою.

Вчера вечером он подумал, что выяснит, кто из Се, кто связывался с восьмым старшим и кто стоит за всем этим. К его удивлению, он этого не сделал. Поймали только восьмого старейшину и старейшину Се. Задняя рука не пришла, а восьмой старейшина принял яд и покончил с собой, что было очень странно.

Никто не должен сообщать новости. Завтра будет церемония для нового хозяина. Он не хотел, чтобы во время нее случились несчастные случаи.

Нин Шаою был просто бессмысленной крысой. Его жизнь и так ничего не стоила в его глазах.

Видя, как Нин Шаокин молчал, мастер Нин понял и объяснил: "Я не рассчитываю на то, что вы, братья, будете помогать друг другу, но я не хочу видеть, как вы убиваете друг друга". Вероятно, он был ослеплен этой сукой".

Слова Нин Шаоцина были бесстрастны: "До тех пор, пока он не придет, чтобы найти проблемы со мной, я оставлю его в покое". Если он попросит о смерти, я не буду милосердна только потому, что он мой брат".

Снаружи появились два стража и доложили Призраку, который охранял дверь: "Мне нужно отдать это господину лично".

Призрак взглянул, и его застывшее лицо слегка изменилось: "Каждый раз, когда господин получает такое послание, он сходит с ума". Завтра у него большой день, чтобы преуспеть в качестве нового хозяина". Тебе лучше подумать."

Двое охранников посмотрели на бамбуковую трубку в руках и засомневались: "Но... но повелитель сказал, что независимо от того, какое послание мы получим, передай ему как можно скорее...". На самом деле, больше всего охранники боялись получить такую бамбуковую трубку в этот момент.

Призрак схватил ее: "Предоставь ее мне. Я буду отвечать за результат."

Двое охранников склонили головы: "Тогда..."

Призрак закричал: "И что потом? Просто убирайся отсюда!"

Они посмотрели друг на друга и ушли.

Как мастер Нин вышел из родового зала, дворецкий Нин шагнул к нему, поприветствовал, его выражение сложное, и шепнул на ухо мастеру Нин после получения его согласия.

Услышав его доклад, мастер Нин сузил глаза, лицо меняется, и приказал сурово: "Это имеет большое значение". Вы передаете приказ, что никто не должен обсуждать эту женщину, и все будет отложено до Шаоцин заканчивает церемонию завтра".

Дворецкий Нинг колебался: "Что если..."

"Что если что?! Женщина важнее положения хозяина?"

"Но..."

"Нет, но! Однажды он исчез, и его личность как первого лорда была отменена. Теперь же он наконец-то вернулся и с моей помощью внес огромный вклад в семью, чтобы кучка стариков могла заткнуться и не упоминать о годе его появления. Если бы перед церемонией случились какие-нибудь несчастные случаи, и он снова и снова бросал семью Нин, он бы никогда не стал хозяином своей жизни".

"Да".

**

Ночное небо было усеяно ясной луной и несколькими звездами ветерка.

За высокой стеной тюрьмы охранники патрулировали.

В тюрьме было бесчисленное множество заключенных, но они были тихие, одни теряли сознание после сурового наказания, другие смотрели в сторону дверей, а третьи лежали в постели и издавали сонный звук. Не было ни криков, ни траура, как Мо Цяньсюэ представлял себе.

Мо Цяньсюэ во главе с Хэдом Чжаном и другими заключёнными вошёл в так называемую особую комнату.

Внутри не было грязно, а кровать и одеяло были довольно чистыми, с запахом аромата благовоний. Очевидно, что последний заключенный здесь также имел высокий статус.

Очевидно, что особая комната с первого взгляда отличалась от других камер. Снаружи была железная дверь, внутри которой было маленькое окно для осмотра заключенного. Дверь была своего рода уважением к частной жизни. Не заглядывая в окно, было неизвестно, что произошло внутри.

Дверь была заперта, и заключенный ушел, чтобы отослать Хэда Чжана. Няня Мо усадила Мо Цяньсюэ и с жалостью спросила: "Госпожа, почему вы послушали Юхэ и попали в тюрьму?".

Госпожа особняка Основателя имела чин, поэтому, хотя принцесса Юхэ и была дочерью Императрицы высокого ранга, она не могла случайно решить, что ее подозревают в обмане Императора, и посадить ее в тюрьму в ожидании суда, только из-за обвинения странного ученого, вышедшего из ниоткуда.

Если бы леди сказала больше и спорила с ней, в присутствии других дам и академиков, даже принцесса Юхэ не осмелилась заставить ее. Кроме того, когда принцесса объявила, что посадит ее в тюрьму, в одном из вагонов вокруг нее начался сильный кашель.

Она ясно видела, что слуга господина Цзя поехал в этой карете после того, как дал ей приглашение.

Кашель пришёл как раз вовремя, очевидно, чтобы подбодрить леди...

Мо Цяньсю приспосабливается к более удобному положению: "Разве ты не видела, няня? Это хорошо спланировано заранее. Если бы меня осудили за обман Императора, то смертная казнь была бы нормальной. Даже если бы Император простил меня ради отца, наказание тоже не было бы легким. Тогда все, что они делают сейчас, станет разумным и даже прозорливым. Кто будет винить их за то, что они делают сейчас?

Принцесса Юхэ планировала немедленно проверить меня и доказать, что я не невиновен, так что посадить меня в тюрьму звучит более оправданно. Однако, я не позволил ей ни проверить меня, ни с нетерпением доказать мою целомудрие, но спорил с обычаями.

Сегодня, если бы она отпустила меня домой, и если бы произошли какие-то изменения, и я обнаружил это и нашел способ справиться с этим, их усилия были бы бесполезны. Следовательно, они просто не позволили бы мне вернуться, так что они придумали эту глупую идею..."

Няня Мо чихнула: "Они бы никогда не узнали, что эта леди все еще..."

Пока она говорила, она подглядывала и останавливалась из бдительности. Это заставило Мо

Цяньсю смеяться: "Меня легко посадить, но если она хочет, чтобы я ушла... ха-ха..."

Няня Мо не знала, что у Мо Цяньсю был черный жетон, по которому тосковал император, поэтому она беспокоилась и не знала, как утешить ее: "Госпожа...".

Мо Цяньсю прервал ее: "Ничего не говори, няня. Оставаться здесь более спокойно. Просто дай им еще один день."

Няня Мо ничего не могла сделать, но дала ей любящий и заботливый взгляд, видя, что она уверена в победе. Мо Цяньсю сдвинула тему: "Так как у нас теперь есть свободное время, расскажите мне истории об отце и матери. Я люблю эти истории".

В этом мире гордый крепкий мужчина, как Мо Тяньфан, должен отказаться принимать наложниц за женщину, которая никогда не рожала сыновей...

Чтобы успокоить свою жену и дочь, он должен сделать такое шокирующее и мятежное предложение, чтобы его дочь получила в наследство княжество при дворе...

Либо его самостоятельное путешествие от солдата к командиру, либо его искренняя любовь к Фэн Цинъю, словом, прошлые истории, рассказанные няней Мо, глубоко тронули Мо Цяньсюэ.

**

Снаружи главный надзиратель выслал главу Чжана из внутреннего слоя тюрьмы и попросил другого надзирателя вывести его на улицу. Он сам вернулся на свой стул, вытащил бутылку вина и выпил немного, не сводя с себя глаз.

Эти специальные комнаты были оборудованы для особых случаев. Обычно не было ни заключенных, ни охранников. Сегодня сюда пришла дама, поэтому главный надзиратель должен был охранять лично.

Вошёл ещё один надзиратель с толстыми бровями и нахмурился: "Голова, новички настолько бесполезны, что сразу после того, как я только начал, они потеряли сознание".

"Заключенные здесь были либо богатыми, либо благородными. Они привыкли к зажиточной жизни. Как они могли быть такими же, как и обычные люди?" Главный надзиратель не нашел это необычным.

Тюремщик прищурился, взглянув на специальную комнату в самом внутреннем помещении, и отвратительно улыбнулся: "Я слышал, что главный охранник персикового леса только что лично взял в руки даму, стильную, красивую и светлокожую...".

До тех пор, пока они находятся в этой тюрьме, немногие могут выйти живыми, даже если они находятся в специальных комнатах! У запертой здесь женщины не должно быть сторонников. Иначе, пока это не было бы преступлением, женщина обычно находилась в собственном особняке и дисциплинировалась старшими по возрасту.

Главный надзиратель улыбнулся, выпил вина и ничего не сказал. Другая тюрьма прошла вперед и открыла маленькое верхнее окно на железной двери.

Глядя в маленькое окно, он увидел молодую девушку в светло-голубом платье, сидящую на краю кровати, и женщину средних лет, которая что-то шептала.

У девушки было светлое лицо, темные волосы были завязаны в женскую конусовую булочку, в которой была зеленая нефритовая заколка с золотой бабочкой. Ее кожа при свечах чуть не стала прозрачной, придавая особый шарм.

У любого в этой тюрьме было серое лицо, покрытое либо испугом, либо слезами. Он никогда не видел такой красивой и самодовольной женщины, которая время от времени немного улыбалась. Он чувствовал себя ослепительно сразу, и вода вылетела у него изо рта. Он повернулся обратно в головную тюрьму: "Голова, цыпочка очень красивая..."

Головная тюрьма сделала глоток вина: "Парень, есть порядок. Ты не можешь прикасаться к ней."

Тюремщик был сбит с толку, но злобно улыбнулся: "О? Кто она?" Если у нее действительно были сторонники, как они могли позволить такой красивой девушке запереться здесь?

"Она Мо Цяньсюэ, дама из особняка Основателя, которая убила дюжину человек восемь дней назад."

"Что? Она Мо Цяньсюэ?" Глаза тюремщика выскочили от взгляда, и злая мысль исчезла полностью.

Он и представить себе не мог, что эта женщина - знаменитая дама особняка Основателя. Легендарная богиня-убийца. Даже чтобы набраться храбрости, он не осмеливался на злые мысли.

Тюремщик успокоился и в любопытстве дотронулся до подбородка: "Но... почему она здесь? Разве Император не простил ее за эту штуку?"

"Из-за невезения!"

http://tl.rulate.ru/book/14777/1021560